Ганс Христиан Андерсен

Прыгуны

Блоха, кузнечик и гусек-скакунок вздумали раз посмотреть, кто из них выше прыгнет, и пригласили прийти полюбоваться на такое диво весь свет — всех, кто захочет. И вот три изрядных прыгуна сошлись вместе в одной комнате.

— Я выдам свою дочку за того, кто прыгнет выше всех! — сказал король. — Обидно было бы таким молодцам прыгать задаром!

Сначала вышла блоха. Она держалась в высшей степени мило и раскланялась на все стороны: в жилах ее текла голубая кровь, и она вообще привыкла иметь дело только с людьми, а ведь это что-нибудь да значит!

Потом вышел кузнечик. Он был, конечно, потяжелее весом, но тоже очень приличен на вид и одет в зеленый мундир — он и родился в мундире. Кузнечик говорил, что происходит из очень древнего рода, из Египта, а потому в большой чести в здешних местах; его взяли прямо с поля и посадили в трехэтажный карточный домик, который был сделан из одних фигурных карт, обращенных лицом вовнутрь. А окна и двери в нем были прорезаны в туловище червонной дамы.

— Я пою, — сказал кузнечик, — да так, что шестнадцать здешних сверчков, которые трещат с самого рожденья и все-таки не удостоились карточного домика, послушали меня да и похудели с досады!

Таким образом, и блоха и кузнечик полагали, что достаточно зарекомендовали себя в качестве приличной партии для принцессы.

Гусек-скакунок не сказал ничего, но о нем шел слух, что зато он много думает. Придворный пес, как только обнюхал его, сказал, что он из очень хорошего семейства. А старый придворный советник, который получил три ордена за умение молчать, уверял, что гусек-скакунок наделен пророческим даром: по его спине можно узнать, мягкая или суровая будет зима, а этого нельзя узнать даже по спине самого составителя календарей.

— Я пока ничего не скажу! — сказал старый король. — Но у меня есть свои соображения!

Теперь оставалось прыгать.

Блоха прыгнула, да так высоко, что никто и не уследил, и потому все стали говорить, что она вовсе и не прыгала. Только это было нечестно.

Кузнечик прыгнул вдвое ниже и угодил королю прямо в лицо, и тот сказал, что это очень скверно.

Гусек-скакунок долго стоял и думал, и в конце концов все решили, что он вовсе не умеет прыгать.

— Только бы ему не сделалось дурно! — сказал придворный пес и снова принялся обнюхивать его.

Прыг! И гусек-скакунок маленьким прыжком наискосок очутился прямо на коленях у принцессы, которая сидела на низенькой золотой скамейке.

И тогда король сказал:

— Выше всего — допрыгнуть до моей дочери, вот в чем суть. Но чтобы додуматься до этого, нужна голова, и гусек-скакунок доказал, что она у него есть. И притом с мозгами!

И принцесса досталась гуську-скакунку.

— А все-таки я прыгнула выше всех! — сказала блоха. — Но все равно, пусть остается при своем дурацком гуське с палочкой и смолой! Я прыгнула выше всех, но на этом свете надо иметь фигуру, только тогда тебя заметят!

И блоха поступила добровольцем в чужеземное войско и, говорят, нашла там свою смерть.

Кузнечик возвратился в канаву и стал думать о том, как устроен свет. Он тоже сказал:

— Фигуру, фигуру надо иметь!

И он затянул песенку о своей печальной доле. Из его песни мы и взяли эту историю. Впрочем, она, наверно, выдумана, хоть и напечатана.